

Владимир Легойда

МЕШАЮТ ЛИ

ДЖИНСЫ

СПАСЕНИЮ

ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ

Планета людей

Владимир Легойда

**Мешают ли джинсы спасению.
Опыт современной апологетики**

ТД "Белый город"

2007

ББК 86.372

Легойда В. Р.

Мешают ли джинсы спасению. Опыт современной апологетики /
В. Р. Легойда — ТД "Белый город", 2007 — (Планета людей)

Книга главного редактора журнала «Фома» В.Р. Легойды «Мешают ли джинсы спасению» представляет собой собрание статей, цель которых — познакомить еще не воцерковленных или даже неверующих читателей с основами Православия и поделиться красотой и радостью, которые оно несет, а также ответить на самые распространенные вопросы о Боге, вере и Церкви. Книга адресована в первую очередь молодежи, но будет интересна также всем, кто только начинает свое вхождение в жизнь Православной Церкви.

ББК 86.372

© Легойда В. Р., 2007
© ТД "Белый город", 2007

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	8
«Здесь вам не равнина, здесь климат иной...»1	8
Зачем верить в Бога?2	10
Мешают ли догмы свободе?3	12
Еще раз о злых старушках4	13
Червячок «свободы»5	14
Радость Иова	15
Страна глухих8	17
Часть 2	19
Яблоко раздора9	19
Загадка Вифлеемской звезды10	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Владимир Романович Легойда
Мешают ли джинсы спасению.
Опыт современной апологетики

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

Святейшего Патриарха Московского

и всея Руси

АЛЕКСИЯ II

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

Интернет-портал «Православная книга России»

www.pravkniga.ru

www.foma.ru

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, не совсем обычна для православной апологетической литературы. Автор составил ее на основе своих статей за последние десять лет. Это были статьи разного рода – и написанные для конкретных изданий, и научно-популярные работы, и тексты многочисленных выступлений.

Конечно, сам по себе сборник статей – явление, мягко говоря, не новое. Но чтобы сборник стал именно книгой, а не грудой разнородных материалов, должно быть нечто общее – то, что стоит за текстами. В книге Владимира Легойда это присущее всем его статьям стремление поделиться красотой и радостью, которые несет Православие, и в то же время боязнь «давить» на читателя, навязывать ему «единственно правильную» точку зрения. Разумеется, так писать можно только из опыта – из опыта православного миссионера, педагога, редактора журнала, издающегося специально для нецерковных, а зачастую и вовсе неверующих читателей. Эти публикации «обкатаны» во множестве серьезных дискуссий, можно сказать, проверены временем и могут служить примером и источником вдохновения для тех, кто хочет говорить с современной молодежью о вере, о Церкви, о духовности.

Построение сборника отнюдь не случайно. Открывает его тематический блок материалов, которые на протяжении нескольких лет были опубликованы в рубрике «Пролог» журнала «Фома». Это относительно короткие тексты, фактически – небольшие эссе, задача которых – показать неверующему человеку красоту Православия, его многогранность. Там, где воспитанные на расхожих атеистических штампах люди видят нечто тесное, скучно-серое, – открыть огромное, исполненное светом пространство...

Однако что будет дальше? Даже если неверующий читатель и уловит отблеск этой красоты, у него в сознании тотчас же возникнет «рубеж обороны» – многочисленные (и, как правило, достаточно стандартные) вопросы. И на эти вопросы отвечает вторая часть книги, так и озаглавленная: «Часто задаваемые вопросы». Сюда в основном тоже вошли публикации из «Фомы», но уже из более серьезных, «теоретических» рубрик – «Заблуждения и парадоксы», «Хронос», «Ортодоксия». Тут речь пойдет об истории Церкви, о взаимоотношениях науки и религии, т. е. о «вопросах ума».

Но кроме «вопросов ума», есть еще и «вопросы сердца» – иначе говоря, те проблемы, недоумения, порой даже и обиды, которые возникают у человека, начинающего свое вхождение в жизнь Церкви. Именно этому посвящена третья часть книги – «Диалоги с сомневающимися». Это действительно диалоги – Владимир Легойда не ведет, подобно тренирующемуся боксеру, «бой с тенью», а беседует со вполне реальными оппонентами – с авторами адресованных в «Фому» писем, с людьми, которые вступили с ним в переписку по электронной почте. Надо сказать, что редактура здесь была минимальна – при подготовке книги важно было сохранить живой дух общения, показать эти споры «как есть», без купюр и стилистических прикрасиваний.

Но, допустим, человек согласился с аргументами православного апологета, получил ответы на скребущиеся в голове вопросы – а что же дальше? А дальше начинается жизнь, которая для всех нас происходит не в космическом вакууме, не в диких джунглях, а в пространстве, пускай и нефизическом, но оттого не менее значимом. В пространстве культуры. Именно так названа завершающая часть книги. Православие и культура. Как они соотносятся? Как

совместить веру и занятие творчеством, искусством? А общество, социальная жизнь (которая тоже ведь входит в пространство культуры)? Как должна (и как не должна) в этих формах воплощаться религиозная вера? Автор (в отличие от некоторых православных публицистов) не стремится здесь дать чеканные формулы, окончательные и не подлежащие критике ответы. Скорее, он пытается очертить общие принципы подхода, делится своими соображениями. Да и может ли быть иначе? Ведь христианство – это не «четкий алгоритм», не сборник «политически-кулинарных рецептов», а Сам Христос. Путь, Истина и Жизнь. И на этом пути длиною во всю нашу жизнь нам приходится то и дело искать решения. Да, нам есть на что опереться, но никто и ничто не освобождает нас от работы ума и сердца.

И вот именно такое построение книги отличает ее от большинства апологетических сочинений. Как правило, те адресованы тому или иному, но вполне определенному типу читателей. А сборник «Мешают ли джинсы спасению» охватывает самый широкий круг. Вряд ли найдется человек, которого ничего в книге не затронет, которому ничто не покажется интересным. Конечно, верно и обратное – какие-то материалы тот или иной читатель непременно пропустит. Просто потому, что не его. Может, еще недорос. Или, напротив, перерос. Но в любом случае каждый найдет что-то для себя.

Поэтому я готов смело рекомендовать сборник всем, кто интересуется историко-культурной проблематикой, кто ищет ответы на нравственные и духовные вопросы, которые ставит перед нами чреватое опасностями, насыщенное трудностями начало XXI века.

Владимир ГУРБОЛИКОВ

Часть 1

Показать красоту православия

*Моим учителям —
Вячеславу Дьякову,
Юрию Вяземскому,
игумену Герману —
с благодарностью
и любовью.*

«Здесь вам не равнина, здесь климат иной...»¹

«Здесь вам не равнина, здесь климат иной, идут лавины одна за одной, и здесь за камнепадом ревет камнепад. И можно свернуть, обрыв обогнуть, но мы выбираем трудный путь, опасный, как военная тропа...» Эти слова Высоцкого, если верить тем, кто занимается альпинизмом, довольно точно передают ощущение восходящего на вершину.

Но и песни русского барда, и рассказы самих альпинистов чрезвычайно скупы на какие-либо восторженные описания. Речь почти всегда идет о преодолении страха, трудностей и невзгод. И если не осознавать, что тяжелое восхождение есть лишь путь к вершине, а не цель, вряд ли можно понять, почему этих «больных» людей тянет в горы. Ведь опасно же. И страшно. И неудобно. Но почему-то радостно. Хотя вряд ли посторонний способен осознать эту радость. Чтобы ее почувствовать, надо ее пережить. Попробовать...

Среди разных отзывов, которые мы получаем на «Фому», довольно часто встречаются такие, суть которых можно свести к упреку: зачем вы пишете о смерти, страданиях, боли? Неужели в жизни мало горя? Да мы и так все страдаем ежедневно и ежеминутно. Поэтому если вы хотите привлечь в Православие, пишите о радости и красоте, пишите о любви и празднике, а не о мучениях. Зачем писать о страданиях и боли, если все так устали от них?

Действительно, есть в христианстве удивительная радость. Православие – это красота, это любовь, это высшее духовное состояние. И мы на самом деле по мере сил своих стараемся об этом писать. Но именно об этом, а не о том, что, может быть, зачастую хотят у нас прочесть.

Нельзя христианскую любовь подменить лишь радостями секса, а духовный смысл поста превратить в «чудо голодания». Христианство прежде всего – абсолютно реалистично. Правда, это звучит неожиданно, после того как всех приучили думать, что религия – это некая идеальная сказка, вымысел, иллюзия! А оказывается – наоборот.

Мы говорим о смерти, потому что физическое бессмертие – фантастика, а христианство – нет. Мы пишем о боли, потому что в нашем мире ее не чувствовать, не переживать нельзя.

И еще потому, что никого мать не будет любить так, как дитя, рожденное ею в муках. А победу, одержанную в трудной борьбе, со слезами и потом, не сравнить с легкой добычей, которая сама шла в руки.

Но главное – это то, что мы действительно говорим о радости. О той радости, которая неизмеримо больше любых воображимых и даже невообразимых благ цивилизации. Только

чтобы увидеть ее, надо суметь заглянуть ЗА пределы боли и страдания... Правда, ощутив эту радость, вряд ли вы сумеете описать свои чувства. Поэтому слушающие вас люди будут удивляться: рассказывает о трудностях и страданиях, но почему-то весь сияет и говорит, что это здорово...

Христиане – это альпинисты духа. Чувство раз пережитой неземной радости уже никогда не оставит идущего, но будет лишь сильнее влечь наверх. В горы. И хотя восхождение это трудно и опасно, и хотя будут срывы и падения, и будет трещать страховка, и будут горные обвалы... Ничто не способно заменить той радости, которую ты обретаешь, взойдя на вершину.

И как на Эверест нельзя взобраться на скоростном лифте, попивая кофе и покуривая сигаретку, так и в духовной жизни на пути к свету постоянно будут встречаться препятствия, трудности – то, что Православие называет искушениями... Но – опять парадокс – боятся этих трудностей главным образом те, кто еще их не испытывал. Человек, вкусивший радость, понимает всю несоизмеримость страданий и подлинной Радости...

И в Православии мы не собираемся никого «привлекать».

Христианство – это не тусовка, в которой можно классно провести время. И не вечный «пир на весь мир», который наш журнал хочет почему-то разрекламировать. Христианство – это Сам Христос, та вершина Духа, на которую действительно нелегко забраться, но без которой такой скучной, такой бессмысленной становится вся наша «радостная» жизнь...

Зачем верить в Бога?²

Когда мы показали первый номер «Фомы» нашему знакомому, он сразу спросил нас: «А нужен ли такой журнал?» Ошеломленные, мы стояли и не знали, что сказать, настолько очевидным нам казался ответ. Время показало, что это далеко не так. Мы сделали второй, а потом третий номер – и все время чувствовали, что чего-то не хватает... Что-то не сказано... Пропадает нечто очень важное, главное. Нам стало ясно, что вопрос «Зачем?» – серьезный и важный, так как он в конечном итоге вырастает в еще более существенный, центральный вопрос, с которым мир постоянно обращается к христианину: «А зачем быть христианином?»

Многие считают, что верить нужно потому, что ни во что не верить нельзя. Прошли времена, когда в нашей стране религия была лишь «отравой для масс». И как раньше нормальным полагали атеизм, так сейчас нормальной считается вера, превращаясь иногда в некую обыденность...

Кто-то идет в храм, считая, что вовремя поставленная свечка должна помочь на сессии, при очередной сделке, чтобы с мужем (женой) не ссориться и т. д. (список можно продолжать)...

Наиболее интеллектуальные любят рассуждать о богатом духовном наследии православной культуры, не забыв при этом ругнуть духовенство и заявить, что верить можно и без попов... Руководители страны оказываются «самыми умными», поддерживая все вышеперечисленные категории и выступая новыми ревнителями отечественной духовности.

Большинство же людей, как кажется, связывает веру с нравственностью. Со стремлением «быть добрыми и хорошими». Что ж, в этом нет ничего плохого, но дает ли это нам ответ на вопрос «Зачем?».

Одна голландка на вопрос амстердамского телевидения: «Что значит в вашей жизни Христос?» – ответила: «У меня прекрасная семья, любимая работа, дом – полная чаша. Я очень люблю своих детей... Пользуюсь уважением друзей и коллег по работе... У меня *все есть*. Зачем мне еще какой-то Бог, Который постоянно будет мне мешать спокойно жить?!» Наверное, она права. Земное счастье достижимо и без веры. А все попытки увидеть в христианстве лишь очередное высоконравственное учение разбиваются о железное: «Зачем для этого ходить в церковь?»

Как тут ответить? Как объяснить смысл Любви? Ответ прост: смысл любви, а тем более любви христианской, объяснить нельзя. Эту любовь невозможно просто понять, ее надо прожить и прочувствовать. И тогда начнет открываться великое Чудо и Тайна христианской веры, ее Центр и Смысл. А он не в обрядах и не в следовании канонам и церковным установлениям – все это лишь средства, способы достижения главного.

Сердце христианства – Христос. Бог-Сын, Который стал Человеком, чтобы призвать людей следовать Его путем – стать подобными Богу. Вот истинный, высокий смысл христианской жизни. Вот что значит набившая многим из нас оскомину фраза о необходимости спасения души... Спасти душу – означает уподобиться Самому Богу. Почувствовать живое, настоящее присутствие Христа рядом с нами и через это почувствовать любовь. К Богу и к людям. Разве может с этим что-либо сравниться?!

Знают ли об этом те, кто сегодня сомневается, идти или не идти в храм? Помнят ли это те, кто уже считают себя православными? Вопрос далеко не праздный...

В чем сомневался апостол Фома? Не в том, о чем говорил Христос, не в справедливости Его слов об отношении к ближним и не в смысле притч... Он хотел увериться в Его воскресении, т. е. в собственном спасении, в возможности для человека *обожиться*, уподобиться Богу.

Мы ходим в Церковь, потому что верим, что она – Тело Христа. Мы делаем «Фому», чтобы говорить о Христе, чтобы помочь Фоме-неверующему увериться в том, что нет смерти. Есть Христос – Путь, Истина и Жизнь. И в этом цель и смысл всего.

Мешают ли догмы свободе?³

Никогда не забуду, как одна знакомая с жаром пыталась объяснить мне, почему она не сможет стать православной. «Понимаешь, – говорила она, – я человек свободный. А православные догмы сильно ограничивают мою свободу, не дают мне дышать. А я не желаю, чтобы кто-то или что-то мою свободу ограничивали. Человек, его свобода выше любых правил и норм, которые ведь тоже, согласись, устанавливаются людьми».

Я согласился, но позволил себе задать ей один невинный, но логически вытекающий из такой пафосной речи вопрос: какие именно православные догмы и в чем ограничивают ее свободу? Вопрос Ольгу (так звали девушку, которая, между прочим, тогда заканчивала серьезный московский вуз по гуманитарной специальности) явно застал врасплох. Я решил ей помочь и спросил, какие вообще православные догматы она знает («Давай вспомним, какие есть, тогда легче будет разобраться, что же конкретно мешает твоей свободе!»). Она долго думала, хмурилась лоб, а потом неуверенно сказала: «Ну этот, как его, догмат о непорочном зачатии, что ли... Да, о непорочном зачатии Богородицы».

Пришлось объяснить, что догмат о непорочном зачатии Богородицы действительно является одним из положений церковной веры. Но только не Православной Церкви, а Католической. Да и католиками он был принят лишь в 1854 году. Ну а как он сковывает свободу бедной девушки – мне очень интересно было бы услышать.

Ольга рассмеялась, сказала, что я ее подловил, но она все равно права: в Церкви – несвобода, Церковь отстала от жизни. Мир сегодня стремительно развивается, и человек должен идти в ногу со временем, а не тащиться за «старой церковной клячей». К сожалению, так наш разговор и закончился на шутилой ноте, каждый остался при своем.

Я написал «к сожалению» не для логической связки слов. Мне действительно очень жаль. Жаль прежде всего потому, что когда-то я сам уверенно доказывал, что в Православной Церкви нет ничего, кроме ритуала и внешнего лоска. При этом все мое знание православной веры исчерпывалось рассказом о том, как в одной деревне на Украине священник «прозрел». Пришел в епархиальное управление, снял наперсный крест и ушел из Церкви. «Вот, мол, понял человек!» Что он там понял, я, естественно, объяснить не мог, но все попытки убедить меня прикоснуться к миру Православия наталкивались на стену моего «знания», уверенности в своей правоте и истинности собственной веры. Ведь я не был атеистом.

Но мне повезло. Был у меня в жизни учитель. Человек, мнением которого я дорожил больше всего на свете (и дорожу сейчас). Мы с ним много говорили о вере, обсуждали прочитанные книги. Как-то раз разговор зашел о Православии. И я сказал: «Ну неужели Вы верите в необходимость всех этих церковных установлений? Неужели Вы когда-нибудь сможете надеть крестик?» Он ничего мне не ответил тогда, но как-то тихо, грустно улыбнулся... А через пару дней я случайно заметил, что он *носит* нательный крестик! Оказалось, что самый уважаемый мною человек не просто верил не так, как я, но даже и не попытался объяснить мне почему!..

Я не обиделся на него. Я просто очень сильно испугался. Неужели я настолько «закрыт», что он даже не стал со мной говорить?! Тот день был моим первым днем в Православии. И теперь я понимаю, почему мой друг тогда промолчал. Сейчас мне известно, что есть вещи, которые невозможно объяснить, тем более если собеседник не готов слушать. И все же каждый раз, когда приходится видеть, как люди добровольно лишают себя возможности войти в новый для них мир Православия – мир, который они на самом деле ищут, – я говорю: «К сожалению».

А может, не стоит проходить мимо этой открытой двери? Давайте зайдём и посмотрим. А вдруг?..

Еще раз о злых старушках⁴

На тему «злых старушек» высказывались многие и не единожды. Кое-кто даже пытался представить их в качестве чуть ли не спасителей Церкви и веры в черные годы гонений и серые десятилетия всеобщего застоя. Поэтому им и резкое слово простительно – они все на своих плечах вынесли. Я не собираюсь сейчас всерьез спорить с этим – настолько очевидной мне кажется неправота таких «старушечьих адвокатов». Мне бы хотелось сказать о другом.

О нас, о тех, кто, решившись наконец переступить порог храма, вдруг быстро убегает оттуда, столкнувшись с проявлением невоспитанности, черствости, а иногда и неприкрытой злобы.

Помню, как несколько лет назад мои первые робкие шаги по территории Даниловского монастыря были прерваны резким окриком проходившей мимо «матушки»: «Почему руки за спиной держите? Нельзя. Ходите тут, оскверняете...» Конечно, гораздо лучше было бы, скажи она мне тихонько и с кроткой улыбкой: «Сынок, в храме не принято стоять или ходить вот так...» (хотя и это мне сегодня не кажется очевидным – в каком каноне об этом сказано?).

И все же дело совсем в другом. В том, что тогда во мне закипело «благородное негодование». Вот я, такой весь измучившийся и исстрадавшийся (а главное, ведь такой хороший и славный!), решил наконец осчастливить эту Церковь своим посещением – и что в ответ? Вместо хлеба-соли и красных дорожек под ноги – холод непонимания моего благородного порыва!

Я не помню, ответил ли что-нибудь той бабуле, но помню, как весь кипел, быстро выходя из монастыря... Прошло некоторое время, и, когда душе стало совсем невмоготу, я буквально *приполз* в храм и впервые пошел на исповедь. Тогда мне уже было все равно, кто что говорит и как на меня смотрит. Так хотелось глотнуть свежего воздуха, что даже какие-то окрики не воспринимались вообще либо воспринимались как «так тебе и надо!»

Ведь действительно, если Церковь – это больница (а недаром перед исповедью священник говорит кающимся: «еже во врачбницу пришел еси, да неисцеленный не отыйдеши...»), то больным людям важно главное – получить действенное лекарство. Хотелось бы, конечно, чтобы весь обслуживающий персонал сочувствовал тебе и мило улыбался, раскрывая перед тобой двери. Но в жизни бывает по-разному. И техничка может позволить себе поворчать в ваш адрес, когда вы не вытерли ноги и идете в грязных башмаках по полу, который она уже три раза мыла за последние два часа. Но ведь вы не откажетесь от лекарства лишь потому, что на вас прикрикнула техничка на первом этаже! Не к техничке же вы пришли, а к Врачу. И не за вежливостью персонала, а за лекарством.

Повторяю, я не считаю, что «злые старушки» – это хорошо. Это плохо, и в идеале этого быть не должно. Но мне хочется, чтобы идущий в Церковь понимал, зачем он туда идет. А идем мы все ко Христу за *спасением*. Иначе к Нему незачем идти.

Червячок «свободы»⁵

Как-то раз мне пришлось проводить семинар по Ветхому Завету со своими студентами-гуманитариями светского вуза. Мы «застряли» на фразе из Книги Бытия: «И поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность». Я пытался объяснить студентам значение этого высшего свободного акта: «поверил Богу» – сам, без насилия, по духовной необходимости. Меня удивило, что многие всерьез утверждали, что о свободе здесь можно было бы говорить лишь в одном случае – если бы не поверил, пошел бы против Бога. Говорившие были абсолютно убеждены в своей правоте и не замечали всей ограниченности, всей несвободы такой позиции...

Действительно, почему мы часто свободу понимаем лишь как право не сделать что-либо, пойти наперекор, отказаться... Неужели так сильно в нас еще недавно бывшее источником всеобщего вдохновения стремление ломать, разрушать, уничтожать? Да нет, наверное, дело не только в этом. Видимо, где-то в глубине души сидит этакий крохотный червячок сомнения, который на все наши стремления избрать Добро, Красоту, Любовь говорит: «А-а, опять ты за этими высокими словами идешь, снова связываешь себя глупыми моральными установками... Ты же свободный человек. Ну так докажи это. Да плюнь на них всех... Пошли куда подальше...»

Пытаясь робко сопротивляться, мы шепчем: «Да, но ведь мне самому этого хочется, я хочу любви и красоты, понимаю, что для этого надо...» «Тсс, – перебивает злобный червячок, – опять это дурацкое слово – надо. Кому надо? Кто сказал, что надо? Ах, тебе так кажется! Ну и пусть кажется, а ты не верь, не верь. Ты свободен от всех этих предрассудков и рамок. Ты – Творец-Разрушитель. Вот это действительно свобода».

Что самое поразительное, так это то, как легко мы сдаемся. Как просто принимаем непонятно откуда идущий голосок за глас души. Механизм этого самообмана прекрасно описан К.С. Льюисом в весьма поучительной книге «Письма Баламута»⁶, где старый, многоопытный черт пишет письма молодому, начинающему чертенку, обучая того, как обманывать глупых и слабых людей, подсовывая им «чертовские» идеи и выдавая их за собственно человеческие...

Странно, но мы очень часто путаем *необходимость* и *насилие*, считая их чуть ли не равнозначными понятиями. Хотя, с другой стороны, никому не придет в голову обвинять человека в несвободе за то, например, что он стремится любить. Но ведь это чувство – крайняя *необходимость*, которая присуща каждому. И тем не менее, никто пока всерьез не призывает ненавидеть, чтобы стать свободным. По крайней мере, открыто не призывает.

Свобода – это когда ты разумом различаешь колебания сердца, слушаешь голос совести, а не насилуешь свою природу в глупо-бахвальном стремлении послать всех и вся подальше. Это уже не свобода получается, а сумасшествие...

Радость Иова

В замечательной книжке английского педагога и математика Эдвина Э. Эбботта «Флатландия» описаны приключения Квадрата, познакомившегося с миром Трехмерья; его удивление перед открывшейся неожиданно возможностью увидеть жителей его родной Флатландии (плоские геометрические фигуры) в подлинном, так сказать, обличии – сверху. Ведь одной из особенностей фигур, живущих на плоскости в этой удивительной стране, является то, что они, никогда не видевшие себя сверху, не знают, как они выглядят.

Вы спросите: «При чем здесь религия?» В прямом смысле, конечно, ни при чем. Эбботт написал свою книгу как занимательное введение в мир геометрии. Однако метафорически она является прекрасным прологом и к миру религии. Данная метафора точно отражает существо религиозного интереса человечества. Человек приходит в мир, которого он не создавал; приходит в мир «помимо своего желания»; живет в этом мире, нередко претерпевая различные невзгоды и страдания, и затем с неизбежностью из этого мира уходит. Если этому и есть какое-то объяснение, если в этом *приходе-существовании-уходе* и есть какой-то смысл, то он должен быть внеположен человеку и миру. Чтобы увидеть, как на самом деле выглядит двухмерное пространство, нужно обрести третье измерение. Или получить связь с ним⁷.

Таким другим измерением, звеном, связывающим ищущего человека с миром смысла, с момента осознанного существования человечества и является религия. В религии человек ищет ответы на вопросы, которые вне религиозного сознания навсегда останутся без ответа. И даже не обязательны окончательные ответы, но уверенность в том, что есть это таинственное иное измерение, что жизнь – не бессмысленный поток случайного существования непонятно как и когда появившихся на земле почему-то разумных существ.

Эта удовлетворенность «неответом», тайной, которая так сильно отличает религию, скажем, от науки, прекрасно выражена в библейской ветхозаветной книге Иова. Напомню сюжет: праведник Иов обласкан Господом и имеет все, что может пожелать человек: семья, дети, достаток и т. д. Сатана заключает с Богом пари, что Иов начнет роптать на Бога, как только он *все* потеряет. И вот для ветхозаветного праведника начинается нескончаемая череда страданий, смысла которых он понять не может. В культуре древних евреев бытовало устоявшееся мнение, что страдает тот, кто провинился перед Богом. Праведник, человек, не совершающий проступков перед очами Господними, страдать не может. Иов мучительно недоумевает: за что? Почему Бог наказывает его? В какой-то момент страдания Иова, потерявшего все, постоянно атакуемого друзьями и родными, фактически призывающими его похулить Бога, переходят в вопль души человеческой: Боже, а есть ли Ты? Я не вижу за собой никакого греха, я не понимаю, в чем провинился, и все же моим страданиям нет предела. Может, все мои представления о Тебе неверны? Может, Тебя *нет*?! Вопрос о существовании Бога для Иова – не отвлеченное размышление на тему: «А есть ли там вообще что-то или кто-то?» Это конкретно-личный, важнейший вопрос всей его жизни, во всех ее проявлениях – от глобальных вопросов до мельчайших подробностей.

Великий Достоевский так выразит это недоумение устами одного из своих героев: «Если Бога нет, какой же я тогда капитан?!»

Ощущение богооставленности переходит у Иова в какой-то момент в страшное чувство *бессмысленности бытия*... И вот, когда в конце концов пари сатаной проиграно, Иов получает обратно все, что потерял. Но не этим удовлетворяется его сердце: возвращенные ценности не могут утешить ту душевную рану, которая принесена страданием. Вопрос Иова слишком глубок и страшен, чтобы даже достаток, даже семья могли убедить его в осмысленности жизни. И тогда «из тучи» с ним говорит Бог. И Иов успокаивается.

Самое поразительное в этом то, что на вопрос «Почему?» Иов так и не получает содержательного ответа. (Был ли ты со Мной, когда Я творил небо и землю? – вопрошает Господь. – Так почему ты хочешь знать смысл вещей?) Но сам факт ответа, сам факт прямого к нему обращения Творца приносит успокоение, возвращает смысл жизни, привносит в нее то третье измерение, без которого жизнь казалась лишенной смысла...

Страна глухих⁸

Один из самых естественных вопросов сомневающегося – почему существует ад? Если Бог есть Любовь, почему Он обрекает грешников на вечные мучения?

Ответ на этот кажущийся неразрешимым вопрос на самом деле не так сложен. Самое главное здесь вот что: христианство пришло в мир вовсе не с вестью о том, что существует ад. Нет. Ад – темное царство мертвых – известен почти всем дохристианским культурам. Своим же Воскресением Христос открыл людям тайну жизни, а не смерти – тайну Рая.

К сожалению, наши представления об аде и рае далеки от христианских. Слово «ад» у многих современников вызывает в памяти картинки из журнала «Крокодил» советских времен: сковородки, бока которых жадно лизут языки адского пламени; грешники, страдающие в кипящем масле на этих сковородках, и рогатые черти, немилосердно тычущие грешников. Смею утверждать, что картины эти, при всей своей наглядности, имеют мало общего с христианским пониманием вечных мук.

И если говорить об образах, то я бы предложил обратиться к... современному отечественному кино! В одной из последних картин Валерия Тодоровского – «Страна глухих» – есть сцена, прекрасно передающая христианский нерв ощущения ада.

Для тех, кто не видел фильма, поясню: главная героиня – молодая девушка. Ее любимый парень – азартный игрок – должен огромную сумму денег. Рискуя жизнью, девушка собирает для любимого необходимую сумму, но он (игрок же!) перед тем, как вернуть долг, решает еще раз попытаться счастья. И... вновь проигрывает все до копейки.

А дальше потрясающая по силе и проникновенности сцена: ни одного упрека, ни одного слова обвинения. Все, что пытается сделать девушка, – это успокоить любимого. Она говорит, что он не должен расстраиваться, что деньги – это не главное, что она еще заработает. Главное, они любят друг друга, поэтому все будет хорошо.

В ответ парень «взрывается» и начинает гнать от себя девушку. Он кричит, что не может находиться рядом с ней, что ему больно от осознания того, что он – последняя сволочь – проиграл заработанные ею деньги, а в ответ от нее – ни слова упрека, а только обещание любить его, что бы он ни натворил. Но такая любовь выше его сил, так как он не может быть с ней, ощущая свою подлость! *Ему больно от ее доброты*, и он ее прогоняет.

Конечно, дальше ему станет только *еще больнее*. Прогнав любимую, он будет всю жизнь мучиться, потому что такая любовь – одна и на всю жизнь. Но, согласитесь, трудно в этой ситуации обвинить девушку, упрекнуть ее в том, что именно она обрекает парня на мучения...

Этот образ, на мой взгляд, вполне по-христиански описывает ощущения души грешника, встречающей Бога – Того, Кто есть Любовь. Любовь, которая обжигает, но без которой нет жизни. Так человек, просидевший долгое время в темной комнате и отказывавшийся выходить к свету, неизбежно слепнет, когда солнечные лучи впервые касаются его лица. И кто виноват, что на постоянный призыв выйти на улицу, к свету, он отвечал отказом?... А глаза тем временем потеряли способность воспринимать свет, то есть жизнь. Поэтому именно сам человек обрекает себя на вечную тьму, вечное мучение.

И все же, повторю еще раз, христианство – это Благая Весть (по-гречески – Евангелие) о Жизни, а не смерти. И все, что требуется от нас, – это открыть дверь и выйти к свету, пока не поздно. Время у нас еще есть.

Часть 2

Часто задаваемые вопросы

Яблоко раздора⁹

Кому сегодня не известен знаменитый библейский сюжет: Адам и Ева в раю съедают яблоко с *древа познания* добра и зла, нарушая тем самым данный Богом Завет – вкушать со всех деревьев в Эдемском саду, кроме этого? За подобный проступок прародители жестоко расплачиваются: Бог изгоняет их из Рая. И хотя в таком описании все кажется вполне соответствующим библейскому изложению, на самом деле оно довольно далеко от истины: нет там ни Евы, ни яблока. Но – начнем по порядку.

Во-первых, не Адам и *Ева*, а Адам и *жена*. Имя *Ева* («Хавва», др. – евр. «жизнь») жена первого человека получает уже после изгнания из Эдема. «Буквоедство!» – может возмутиться современный образованный либеральный читатель. Но скорее всего будет не прав. Дело в том, что в традиционных культурах наречение имени предполагало, что дающий имя обладает соответствующей властью. Поэтому не исключено, что до грехопадения Адам такого права не имел, раз он не дает имя жене сразу после ее сотворения. И только тот факт, что Ева первой поддавалась на провокацию змея, нарушил определенное равенство мужчины и женщины: «И к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою», – говорится жене при изгнании, а не после творения.

Во-вторых, конечно, Библия ничего не говорит ни о райских яблоках, ни о райской яблоне. Книга Бытия вообще не уточняет, о каком дереве идет речь: сказано только, что это *древо познания* добра и зла, растущее посреди рая, и сказано, что змей прельстил жену плодами дерева. Библия – книга символическая. Символ указывает не на то, что давно прошло и стало «преданьем старины глубокой», а на то, что чрезвычайно актуально и сейчас и будет актуально всегда, так как соотносит нас с вечностью. Рассказ об Адаме и Еве в последнюю очередь следует воспринимать как «историю жизни одного семейства». Символизм данного рассказа призван показать, что человек потерял изначальное, естественное состояние отношений с Богом и с себе подобными...

Но вернемся к яблоку. Откуда же тогда оно появилось, откуда все эти многочисленные ассоциации, картины и проч.? Сейчас сложно, наверное, сказать, каким образом именно яблоко стало ассоциироваться с грехопадением человека. Вообще-то, в христианстве символизм яблока двойственен. Во-первых, яблоко является символом грехопадения и изображается в качестве такого страшного символа в пасти змея, обезьяны или руках первых людей. Попытки объяснить выбор яблока тем, что латинское слово *malum* (яблоко) является однокоренным со словом *malus* (зло), несостоятельны – корни у этих слов разные.

Традиция же изображать яблоко в качестве символа грехопадения появилась скорее всего в эпоху Возрождения, когда каждый уважающий себя художник писал на библейские сюжеты, а эпизод с грехопадением был одним из самых распространенных. Не исключено, что данный символизм восходит к древнегреческим мифам, в которых именно яблоко часто играло весьма символическую роль: вспомним хотя бы знаменитое яблоко раздора, которое Парис

вручил богине Афродите как победительнице первого в человеческой истории «конкурса красоты». Правда, закончился этот конкурс весьма печально: в благодарность Афродита наградила Париса любовью Елены Прекрасной, что в конечном итоге привело к Троянской войне. В самой же Библии яблоко встречается в книге Песнь Песней. При этом многие специалисты полагают, что и в греческой мифологии, и в Песне Песней речь идет не просто о яблоках, а о *гранатовых* яблоках, попросту – о гранатах, которые испокон веков считались символом любви.

Во-вторых, в христианской символике яблоко может являться и символом спасения, если оно изображается в руках Младенца Христа или Богородицы. Очевидно, это связано с тем, что Иисус Христос именуется в христианской традиции Новым Адамом, так как через одного человека (Адама) грех и смерть вошли в человеческую природу, так через одного Богочеловека, Иисуса Христа, природа людская была освобождена от греха и смерти (см.: Рим. 5,12–21).

Литература:

1. Апостолос-Каппадона Д. Словарь христианского искусства. Челябинск, 2000.
2. Кураев Андрей, диакон. Мужчина и женщина в книге Бытия // Альфа и Омега, 1996, № 2/3 (9/10). С. 268–301.
3. Легойда В. Р. Женщина и мужчина: отношения сквозь века // Фома, 2002, № 1(13). С. 32–42.
4. Похлебкин В. Словарь символов. М., 1999.
5. Тресидцер Д. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.

Загадка Вифлеемской звезды¹⁰

В Евангелии от Матфея прочла, как волхвы пришли поклониться родившемуся младенцу Иисусу, причем привела их к Нему шедшая по небу звезда. Неужели Церковь действительно верит в то, что по небу двигалась некая звездочка? И почему это какие-то восточные волхвы пришли в Иерусалим?..

Елена Павленкова, Москва

В древние времена появление или исчезновение небесных тел связывалось с рождением или смертью великого человека. Так считали греки и римляне, подобная точка зрения существовала и на Ближнем Востоке. Однако нам может показаться странным, что волхвы, увидев звезду, тут же отправились на поиски царя, да еще и в Иерусалим.

Между тем доподлинно известно, что тогда по всему Востоку было распространено убеждение, что в ближайшее время, причем именно в Иудее, должен родиться Владыка мира, которому будут поклоняться все народы.

Об этом напряженном ожидании Царя Иудейского свидетельствуют в своих произведениях римский историк Тацит («Истории», 5, 13), Светоний Транквилл («Жизнь Веспасиана», 4, 5) и иудейский историк Иосиф Флавий («Иудейская война», 6, 5.4). Подтверждением тому служат и евангельские слова пришедших в Иерусалим волхвов. Они уверенно спрашивают: «Где родившийся Царь Иудейский?»

Евангелие говорит, что волхвов в Вифлеем привела шедшая перед ними звезда. Что это была за звезда? Ведь, согласно Евангельскому тексту, волхвы увидели звезду на Востоке и пришли в Иерусалим (поскольку, как мы выяснили, именно там ожидали рождение Царя), где звезда вновь возникла и повела их в Вифлеем. Христианские писатели первых веков (Игнатий-Богоносец, Ориген и Евсевий) думали, что это была особенная, специально сотворенная для такого случая звезда. Святой Иоанн Златоуст (IV век) и блаженный Феофилакт Болгарский (XI век) считали ее разумной силой (ангелом), явившейся в образе звезды.

Интересное объяснение этого явления предложил знаменитый немецкий астроном Иоганн Кеплер. Он доказывал, что виденная волхвами звезда появилась в результате редкого совпадения в одной точке наиболее ярких планет: Юпитера и Сатурна. Свои вычисления Кеплер основывал на том, что 17 декабря 1603 года произошло подобное совпадение этих двух планет, а в следующую весну к ним присоединилась третья планета – Марс.

По астрономическим вычислениям Кеплера такое же совпадение (Юпитера и Сатурна в созвездии Рыб) должно было происходить и в 747 году от основания Рима, а в следующем, 748 году (т. е. примерно в то время, когда родился Иисус Христос) к этим двум планетам должен был присоединиться Марс. Поскольку явившаяся волхвам на родине звезда перестала быть видима, когда они отправились в путь, и вновь показалась, когда они пошли из Иерусалима в Вифлеем, то присоединение Марса в 748 году вполне согласуется с евангельским повествованием. Это небесное явление известно в астрономии под названием «парад планет». Интересно, что в Лондонской обсерватории в 60-е годы прошлого столетия посетители могли видеть воссозданную английскими астрономами картину звездного неба в год рождения Иисуса Христа с яркой звездой.

Какая бы версия ни была верной (а Церковь не отрицает возможности существования различных объяснений этого удивительного факта), не нужно забывать, что Библия – не учебник по астрономии. А Евангельская история Рождества не является попыткой описания атласа звездного неба над Вифлеемом и Иерусалимом.

Более того, Евангелие в последнюю очередь является хронологией происходивших 2000 лет назад событий. Евангелие – это прежде всего Благая Весть (именно так это слово перево-

дится с греческого). Благая весть о Спасении мира Богом Иисусом Христом. И задачей евангелиста Матфея было передать прежде всего эту основную, величественную правду. Поэтому Матфей, как и все остальные библейские авторы, говорит не просто о прошлом или даже будущем, а прежде всего – о *вечном*. Евангелие – это обращение к нам, евангельские образы – это живые символы, которые помогают людям разобраться в своей жизни, в своей вере.

Звезда, приведшая волхвов, – это символ того, как к Богу-Христу приходят язычники, приходят все народы. Но в этом символе заложено и обращение к нам, живущим спустя 2000 лет, – а кто мы такие, пойдём ли мы за Вифлеемской звездой?

Литература:

1. Аверкий (Таушев), архиепископ. Четвероевангелие. СПб.: Сатисъ, 1995. С. 100–104.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.